

6. Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-3 «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1157>. – Дата доступа: 19.02.2018.

7. Шпаковский, А. П. Военное сотрудничество Республики Беларусь и НАТО: основные аспекты и прелематика / А. П. Шпаковский // Международная безопасность и НАТО в 2015 г.: сб. материалов междунар. семинара, Минск, 8 дек. 2015 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 95–99.

8. Русакович, А. В. Основные проблемы безопасности на постсоветском пространстве / А. В. Русакович // Международная безопасность и НАТО в 2015 г.: сб. материалов междунар. семинара, Минск, 8 дек. 2015 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 71–73.

9. National Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] / The White House. – 2017. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. – Дата доступа: 19.12.2017.

10. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора [Электронный ресурс] / the North Atlantic Treaty Organization, 2018. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm. – Дата доступа: 21.02.2018.

11. Лавров: «требование выбора – или с Россией, или с Западом – это "средние века"» [Электронный ресурс] / Euronews, 2018. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2018/02/16/lavrov-full-interview>. – Дата доступа: 20.02.2018.

12. Интервью Министра иностранных дел Беларуси В. Макея телеканалу СТВ (17 февраля 2018 г., г. Мюнхен) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/smi/bde89f152efdaea4.html>. – Дата доступа: 20.02.2018.

13. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community [Electronic resource]. – Office of the Director of National Intelligence, 2018. – Mode of access: <https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/2018-ATA---Unclassified-SSCI.pdf>. – Date of access: 15.02.2018.

14. Генсек ООН включил урегулирование конфликта на Украине в число приоритетов на 2018 год [Электронный ресурс] / ТАСС информационное агентство, 2018. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4878770>. – Дата доступа: 20.02.2018.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

М. И. Радкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. I. Radkevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИИ

FORMATION OF THE FOUNDATIONS OF THE THEORY OF IDEOLOGY

В статье дана теоретическая интерпретация феномена идеологии с момента введения обозначающего его термина в 1796 г. Анализируются гносеологический и онтологиче-

ский подходы основоположников теории идеологии К. Маркса и К. Мангейма в понимании сущности данного феномена.

Ключевые слова: идеология; теория идеологии; «ложное сознание»; традиционное общество; современное общество (общество современности); частичные идеологии, тотальные идеологии; утопия.

The article gives a theoretical interpretation of the phenomenon of ideology since the introduction of the term denoting it in 1796. The gnosiological and ontological approaches of the founders of the theory of Marxian and K. Manheim ideology in understanding the essence of this phenomenon are analyzed.

Key words: ideology; theory of ideology; «false consciousness»; traditional society; modern society (modern society); partial ideologies, total ideologies; utopia.

Систематическое изложение теории идеологии, будь то в научных публикациях или будь то в учебной литературе, обычно начинается с выяснения происхождения, или этимологии, слова «идеология». Выяснение данного вопроса представляется необходимым и при рассмотрении формирования основ теории идеологии.

Авторство термина «идеология» принадлежит французскому философу, экономисту и политическому деятелю А. Дестют де Траси, который ввел его в научный оборот и политический лексикон в 1796 г. Термин составлен из двух греческих слов – *idea* (идея) и *logos* (логос). Заключает в себе он неоднозначный смысл. В древнегреческой интеллектуальной традиции словом «идея» обозначалось «то, что рождается в уме человеческом» – мысль, образ, представление, утверждение, постулат. Второе слово – «логос» – в античной традиции имело множественное значение. По крайней мере, оно одновременно означало и «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь»), и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»), и универсальный закон, которому подчиняются природа и человек. В современной литературе производное от «логос» слово «...логия» употребляется как конечная составная часть сложных слов, означающая «наука» или «учение». Таким образом, в своем изначальном смысле слово «идеология» может означать и мысль, выраженную в слове (словах); и совокупность взаимосвязанных мыслей (идей, представлений), выраженных в словах; и науку об идеях или какое-либо учение, изложенное в словах (понятиях).

Со времени введения термина «идеология» его значение претерпело значительную эволюцию. Сам Дестют де Траси использовал его для обозначения науки, призванной исследовать правила «образования идей, их выражения и их дедукции (т. е. выведения одних идей из других. – М. И.)», которым подчиняется человеческое мышление [1, с. 31]. Однако этому значению термина «идеология» не суждено было утвердиться. Вскоре он был подвергнут дискредитации Наполеоном Бонапартом, после чего был выведен из научного оборота и политического лексикона.

Ныне направление научных исследований, предметом которого является выяснение возможностей и способов познания действительности, истинности и форм выражения полученных знаний называется гносеологией или

эпистемологией; употребляется также и термин «теория познания». Важной вехой в придании понятию «идеология» современного значения явилась работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» (1845–1846) [2]. При жизни авторов она публиковалась в виде отдельных фрагментов; важнейшая 1-ая ее глава была опубликована в 1924 г. на русском языке и в 1926 г. на языке оригинала. Впервые полностью рукопись работы была издана в 1932 г. в СССР на языке оригинала и в 1933 г. на русском языке. Термин «идеология» в названии работы они употребили для уничижительного обозначения сущности философских взглядов Л. Фейербаха, Б. Бауэра, М. Штирнера и других немецких мыслителей, считавших, что существующий мир есть продукт воплощения идей, что идеи правят миром и что идеи определяют действительную жизнь людей. Такие представления Маркс и Энгельс квалифицировали как «ложное сознание», или как иллюзорные, не соответствующие действительности порождения человеческого ума, и потому обозначили их словом «идеология», являвшимся в то время одиозным.

Всякая идеология, писал Энгельс в другой своей работе, имеет дело с «мыслями как самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» [3, с. 322].

Истинные представления о существующем мире, согласно Марксу и Энгельсу, не есть продукт оторванного от действительности мышления; они являются результатом познания людьми реальных условий своей жизни и осмысления своего практического опыта: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [6, с. 7]. Это утверждение означает не только признание реального бытия людей эмпирической основой их представлений о социальной действительности, но и обусловленности этим бытием их сознания. Исходя из этого, идеологии как ложным, не соответствующим действительности представлениям, они противопоставили знание, полученное путем исследования доступных наблюдению явлений действительности и потому свободное от иллюзорных идей и представлений.

Иными словами, Маркс и Энгельс развели понятия науки и идеологии как обозначения феноменов, различающихся по происхождению, содержанию и организации составляющих их идей и представлений. Науку они рассматривали как систематизированную сумму полученных к данному моменту эмпирическим путем достоверных знаний о действительности, а «идеологическими формами» или «видами идеологии» они считали такие обусловленные бытием людей формы сознания, как философия, мораль, право, искусство, религия и т. п.

Важно отметить тот факт, что Маркс и Энгельс рассматривали идеологию как феномен классового общества, на тот момент уже индустриального общества. Носителями «идеологических форм» сознания, т. е. ложных, не соответствующих реальной действительности представлений, они считали

господствующие классы, полагая при этом, что подвластные слои общества не обладают необходимым самосознанием в силу своего подчиненного положения. Идеологию как «ложное сознание» они рассматривали в качестве инструмента классового господства; потому они противопоставили идеологии «положительную науку о природе и истории» или «позитивное знание», которым – а не идеологией – будут руководствоваться люди в высокоразвитом, социально однородном обществе.

Теперь К. Маркса и Ф. Энгельса упрекают в том, что для них идеология – это прежде всего «ложное сознание», и потому заведомо извращённое и искажённое представление о действительности, и что они не квалифицировали идеологию как социально значимую систему идей, которую отстаивает определенный общественный слой в собственных интересах [4, с. 522, 524]. Из изложенного выше следует, что нет никаких оснований для подобного рода претензий к Марксу и Энгельсу. В их интерпретации рассматриваемого феномена слова «ложное сознание» означают не что иное, как ненаучное происхождение содержания идеологических форм сознания, наличие в них эмпирически неподтвержденных представлений, присутствие внушенных предрассудков и просто заблуждений. Как раз в идеологии они увидели главным образом инструмент обеспечения господства имущих социальных классов. Более того, они были первыми, кто выдвинул идею «формирования пролетариата в класс», что на деле означало развитие его самосознания и превращение в субъект политических отношений [5, с. 437].

В то же время, рассматривая идеологию как инструмент классового господства, свою собственную систему идей и представлений о существующей действительности, в том числе выдвинутые положения относительно интересов рабочего класса, Маркс и Энгельс не определяли как идеологию, а как науку. С их точки зрения, между наукой и идеологией, т. е. между истиной и ложью, всегда можно провести четкую грань.

Основоположником теории идеологии признается также немецкий философ и социолог, один из основателей социологии знания К. Манхейм. Соответственно важнейшей классической работой по теории идеологии считается его книга «Идеология и утопия», вышедшая в 1929 г. [6]. Безусловно, ему принадлежит заслуга формулирования важнейших положений теоретической интерпретации феномена идеологии, лежащих в основе всех последующих подходов к его осмыслению. Это оказалось возможным благодаря тому, что к началу XX в. общества современности, по крайней мере, в странах Западной Европы и Северной Америки вступили в такую стадию своего развития, когда их сущностные черты стали устойчиво проявляться в виде функционирования социальных институтов в различных сферах жизни.

Прежде всего, к этому времени стало очевидным, что политика в современном ее понимании как лишенный сакральности соревновательный процесс, в ходе которого различные субъекты – индивиды, группы и их

объединения – оспаривают друг у друга право оказывать определяющее воздействие на власть, возникает в современном, демократическом обществе. Как отмечает известный российский политолог А. С. Панарин, «в традиционных обществах (как и в современных тоталитарных режимах) нет политической жизни как процесса, в ходе которого определяются носители власти – они там заранее известны» [7, с. 3]. Соревновательный характер политической жизни обществ современности предполагает наличие разветвлённой системы политических институтов – как государственных, так и негосударственных, – посредством которых обеспечивается выражение групповых интересов и доступ их носителей к власти или, по крайней мере, возможность оказывать своё влияние на проводимую политику. Такие институты, называемые институтами демократии, учреждались в момент возникновения и последующего развития обществ модерна.

Вместе с тем к этому времени в явном виде проявились и базовые ценности обществ современности. Поскольку политика здесь не имеет в себе ничего хотя бы косвенно религиозного (сакрального), то социальные субъекты вынуждены искать новое обоснование общественного порядка и своих притязаний на властвование. В этих условиях вопрос поиска состоит в том, в чем заключается та суть убеждений, которая в новых условиях интегрирует общество в нечто единое и легитимирует этот светский уклад. «В политической теории и практике начального периода Нового времени, – утверждает немецкий исследователь У. Матц, – был дан исторически жизнеспособный либеральный ответ, который звучит так: убеждение в безусловной ценности *life, liberty, and property* (т.е. безусловной ценности жизни, свободы и собственности. – *М. И.*)» [8, с. 137]. Очевидно, что они есть базовые ценности обществ модерна, которые в европейской традиции дополняются еще ценностями равенства и братства.

При интерпретации значимости базовых ценностей обществ современности, подчёркивает У. Матц, не случайно акцентируется свобода. Это вытекает из того, что консенсус относительно свободы может быть исключительно формальным, так как свобода сама есть формальная ценность. «В самом деле, этос общества модерна в том и состоит, что каждый волен "по-своему достигать блаженства". Так что и в этом сообществе уровень высших экзистенциальных ценностей остаётся вполне доступным для отдельных и определяемых мировоззренчески групп. Благодаря свободе как инструментальной ценности открывается простор для различных стратегий наполненной жизни, каковая больше не получает и не может получать общественно обязующего определения» [8, с. 138].

Теперь обратимся к рассмотрению теоретических положений К. Мангейма. Отправным моментом исследования и интерпретации им феномена идеологии является его понимание предмета социологии знания – «экзистенциальная (от лат *existentio* – существование, в данном контексте имеется в виду связанная с человеческим существованием. – *М. И.*) обусловлен-

ность знания» или, говоря иначе, «социальная обусловленность теорий и типов мышления» [6, с. 219, 220]. Необходимо напомнить, что положение о зависимости сознания людей от их бытия – «общественное бытие людей определяет их сознание» – выдвинул К. Маркс. В этой связи Манхейм считает, что начало социологии знания положил именно Маркс [6, с. 259]. На основании данного тезиса Манхейм сформулировал свой подход к теоретической интерпретации феномена идеологии.

Исходным положением теории идеологии К. Манхейма является вывод, согласно которому «тот факт, что каждый индивид живет в обществе, создает для него двойное предопределение: во-первых, он находит сложившуюся ситуацию, во-вторых, обнаруживает в ней уже сформированные модели мышления» [6, с. 9]. Далее целесообразно будет привести достаточно объемную цитату из его книги «Идеология и утопия». «Люди, живущие в группах, – пишет Манхейм, – сосуществуют не просто физически, в качестве дискретных (разделенных, не связанных между собой. – *М. И.*) индивидов. Они воспринимают предметы окружающего мира не на абстрактном уровне созерцательного разума и не только в качестве отдельных индивидов. Напротив, они действуют совместно – друг с другом и друг против друга – в различных по своей организации группах и, совершая эти действия, мыслят друг с другом и друг против друга. Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде. Направленность этой воли в сторону изменения природы и общества или сохранения их неизменными, эта коллективная деятельность и способствует возникновению проблем, понятия и форм мышления людей определённой группы. В соответствии со специфической коллективной деятельностью, в которой участвуют люди, они склонны различным образом видеть окружающий мир» [6, с. 9].

Таким образом, согласно К. Манхейму, в соответствии с «характером и положением группы», к которой принадлежат индивиды, и в соответствии со «специфической коллективной деятельностью», в которой участвуют люди, «они склонны различным образом видеть окружающий их мир». При этом Манхейм полагает, что «в определённых сферах знания именно импульс к действию открывает объекты мира действующему субъекту» и что «именно этот фактор (т. е. импульс к действию или стремление удовлетворить определённый интерес. – *М. И.*) определяет отбор тех элементов действительности, которые становятся предметом мышления» [6, с. 9, 10]. Для характеристики типа или образа мышления людей, принадлежащих к разным социальным группам, объектом которого является один и тот же мир и результатом осмысления которого являются различные концепции этого мира и различное отношение к нему, Манхейм применил понятие «идеология». Из этого фундаментального положения теоретической интерпретации К. Манхеймом феномена идеологии следует новое понимание его

роли в жизнедеятельности людей, а именно как социально значимую систему идей, которую отстаивает определённая группа людей совместными действиями в собственных интересах.

Напомним, если в середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая идеологию как феномен сознания господствующих в обществе групп людей, видели в ней инструмент подчинения ими своей воле подвластных, то теперь, т. е. во вполне развитом современном обществе, идеология становится фактом сознания различных групп людей, орудием их коллективного действия в общественной жизни и политике [6, с. 7]. Такое значение идеологии проявилось, во-первых, в осознании субъектом власти того, «что политика может использовать свою концепцию мира в качестве орудия и что политика не является только борьбой за власть, но обретает свое фундаментальное значение лишь тогда, когда она связывает свои цели со своего рода политической философией, с политической концепцией мира [6, с. 37]. Во-вторых, это выразилось в понимании того, что образ мышления и идеи подвластных социальных слоев, не имевшие в абсолютистском государстве общественной значимости, в демократическом, или модернистском, обществе, «могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя на равном уровне значимости», что «эти идеи и формы мышления могут заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира» и что они, следовательно, могут побудить его к определенным действиям по изменению реальности с целью улучшения своего положения в ней [6, с. 13]. В-третьих, в том, что с развитием демократии «не только государство, но и политические партии стали стремиться философски обосновать [т. е. оформлять в виде идеологической доктрины. – *М. И.*] свои позиции и систематизировать требования» [6, с. 37]. Причем политические партии по мере роста социального престижа науки усиливали в своей системе мышления рациональную и по мере возможности научную аргументацию [6, с. 37].

К. Манхейму принадлежит приоритет введения в оборот понятий «частичная идеология» и «тотальная идеология». Термин «частичная идеология» он употребил для обозначения отдельных (части) высказываний («идей» и «представлений») социального субъекта, которые воспринимаются как «более или менее осознанное искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам» [6, с. 56]. Здесь речь может идти, как считает Манхейм, не только о сознательной лжи, но и о полусознанном инстинктивном сокрытии истины, а также о самообмане. Термин «тотальная идеология» он использовал для обозначения своеобразия и характера всей структуры, или всей полноты, сознания определенной эпохи или конкретной исторической и социальной группы, например, класса. В данном случае имеется в виду не содержание отдельных мыслей субъекта, а достаточно целостная система идей и представлений, которая претендует на определённую интерпретацию существующей действительности [6, с. 57].

В содержании этих двух понятий, или разновидностей, идеологии – частичной и тотальной – присутствуют общие и особенные аспекты. Общее заключается в том, что смысл тех и других как высказываний определенного субъекта (коллективного или индивидуального) воспринимается не непосредственным пониманием сказанного, а обходным путем, через его восприятие как следствия положения субъекта в существующей действительности. Особенное каждого из них состоит в следующем. Понятие частичной идеологии связано обычно с психологией интереса и потому оно исходит из того, что тот или иной интерес служит причиной сокрытия истины. Понятие тотальной идеологии основано на представлении, что определенному социальному положению соответствуют определённые точки зрения и потому здесь анализ интересов используется для постижения особенностей социального бытия субъекта. Несмотря на то, что понятия частичной и тотальной идеологии, заключает Манхейм, отличаются друг от друга, по своему значению, в реальной действительности оба они всё время переплетаются [6, с. 58–59].

Название книги К. Манхейма – «Идеология и утопия» – обязывает выяснить, какое содержание ее автор вкладывает в понятие «утопия» и его соотношение с понятием «идеология». Надо полагать, что происхождение слова «утопия» общеизвестно. Поэтому начнем с уяснения того, что термины «идеология» и «утопия» Манхейм использует для обозначения типов мышления и, соответственно, представлений групп людей, занимающих различное положение в системе общественных отношений. Первое из них относится к мышлению господствующих групп, второе – подвластных им групп. Любая идеология, в его понимании, есть апология существующего строя, система взглядов, ориентирующаяся на сохранение наличного бытия. Утопии, напротив, ориентируются на замену данной формы общественных отношений как несоответствующей интересам подвластных слоёв. Как утверждает Манхейм, обыденному сознанию относительно редко присущи идеи и представления, которые адекватны реально существующему жизненному устройству, и лишь вполне ясное в социологическом смысле сознание оперирует соответствующими данному порядку вещей понятиями. Адекватным бытию представлениям противостоят как идеология, так и утопия, поскольку содержание той и другой не согласуется с действительностью. «Идеологиями, – пишет он, – мы называем те трансцендентные бытию (т. е. выходящие за пределы бытия. – *М. И.*) представления, которые *de facto* никогда не достигают реализации своего содержания¹. Хотя отдельные люди искренне руководствуются ими в качестве мотивов своего поведения, в ходе реализации их содержание обычно искажается... *Утопии* также

¹ В примечаниях к книге Манхейм добавляет: «Тем самым очевидно, что идеологии также могут служить мотивами какой-либо деятельности; однако идеологичность (ложность) их состоит в том, что они служат таковыми не в направлении их предполагаемого сознания» [6, с. 270].

трансцендентны бытию, ибо и они ориентируют поведение на элементы, не содержащиеся в данном реальном бытии; однако они не являются *идеологиями*, т.е. не являются ими в той степени и постольку, поскольку своим противодействием им удаётся преобразовать существующую историческую *действительность*, приблизив её к своим представлениям» [6, с. 166–167]. Если такое различие между идеологией и утопией, оговаривает Манхейм, постороннему наблюдателю кажется безусловным, то решить, что в каждом конкретном случае следует считать идеологией и что утопией невероятно трудно. Тем более, что с приходом к власти ранее угнетённых социальных слоёв утопии автоматически превращаются в идеологии.

Выдвинутое К. Манхеймом положение о принципиальном различии между идеологией и утопией по настоящее время учитывается в политической науке и политической практике. Очевидно, что идеология является фактором стабилизации общественно-политической жизни. Представленная в определённой идеологии интерпретация существующего в данный момент жизненного устройства – пусть и в искаженном или, согласно Марксу, «ложном» виде – скрывает все то, что объективно подрывает данный социальный порядок. На наш взгляд, отечественная политическая практика недооценивает апологетический аспект содержания идеологии, акцентируя и даже абсолютизируя значение инновационного его аспекта. Отмеченный момент обычно выражается в расхожем предубеждении: если та или иная политическая концепция не содержит радикальных предложений по изменению существующего бытия, то она и не обладает серьёзным идеологическим содержанием. Идеологическая доктрина, прежде всего, ориентируется на сохранение или воспроизводство существующего общественного порядка, одновременно обозначая и контуры его возможных изменений. Утопия же заведомо имеет своей целью радикальное преобразование структуры наличного бытия, как правило, в соответствии с представлениями трансцендентного характера.

Таким образом, в интерпретации Манхейма, идеология является способом и продуктом мышления групп людей, содержание которого – идеи, ценности, представления, цели – обуславливается характером этих групп и их положением в системе общественных отношений. Предметом такого мышления, которое можно определить как идеологическое (в отличие от научного) являются, главным образом, те элементы бытия данных групп – от отдельных сфер их жизнедеятельности до общества и даже мироустройства в целом, которые представляют для них практический интерес. Результатом такого мышления является определенная интерпретация группой существующей действительности, выражение ею своего отношения к общественным реалиям, формулирование относительно их своих целей и задач, обоснование выбора путей и средств их реализации. Своё вербальное выражение эти результаты находят в философских, социально-политических, экономических, правовых, этических, эстетических, религиозных и иных социогу-

манитарных, религиозных по своему предмету идей, образующих в своей совокупности содержание определенной идеологии.

Заслуживает особого внимания и то, что вклад К. Манхейма в теоретическое осмысление феномена идеологии снял прежнюю остроту вопроса о соотношении идеологии и науки, как это было во времена Дестют де Траси и К. Маркса. Теперь та или иная идеология, вне зависимости от ее «истинности» или «ложности», оценивается не столько на соответствие ее содержания реальному процессу общественного развития, сколько на предмет адекватности составляющей ее совокупности идей, представлений и установок жизненным интересам людей и возможностям их реализации. В данном своем качестве идеология имеет особую ценность не как научный источник, а как способ легитимации определенного общественного устройства и средство мобилизации людей на осуществление действий, направленных либо на закрепление существующих социально-политических отношений, либо на их изменение или радикальное преобразование [9, с. 22].

Исходя из изложенного, можно определённо утверждать, что с именами К. Маркса и К. Манхейма связаны два подхода к интерпретации феномена идеологии – гносеологического и онтологического. При первом подходе (Маркс) основным является вопрос об истинности той или иной идеологии, о соответствии ее содержания действительности, реальному процессу общественного развития. При втором, онтологическом, подходе (Манхейм) содержащиеся в идеологии представления, принципы, цели – независимо от их «истинности» или «ложности» – рассматриваются с точки зрения их приемлемости или неприемлемости для социального субъекта как основы устройства его бытия, возможности их утверждения в действительности, эффективности в качестве мобилизующей силы. В настоящее время оба подхода к феномену идеологии – и гносеологический, и онтологический – можно обнаружить в работах различных исследователей, причем одни из них акцентируют значение для общественной практики первого, другие – второго.

Список использованных источников

1. *Дестют де Траси, А. Л. К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / А. Л. К. Дестют де Траси. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. – 333 с.
2. *Маркс, К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
3. *Энгельс, Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955–1981. – Т. 21. – С. 269–317.
4. Категории политической науки: учебник. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.
5. *Маркс, К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
6. *Манхейм, К.* Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–277.
7. *Панарин, А. С.* Политология. Учебник / А. С. Панарин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ПБЮОЛ С. М. Грачёв», 2001. – 448 с.

8. *Матц, У.* Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // *Полис.* – 1992. – № 1–2. – С. 130–142.

9. *Мельник, В. А.* Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2007. – 280 с.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

Ш. Х. Толибова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

Sh. Tolibova

The Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 23.00.04

БЕЛАРУСЬ – ИРАН: 25-ЛЕТ СО ДНЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ОСНОВНЫЕ ИТОГИ)

BELARUS – IRAN: 25TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS (MAIN RESULTS)

Статья посвящена 25-летию установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран. В ней проанализированы основные итоги белорусско-иранского сотрудничества за указанный период.

Подводя итог, автор приходит к выводу о том, что, несмотря на географическую отдаленность, действие санкций, разность менталитетов народов, за 25 лет сотрудничества Республике Беларусь и Исламской Республике Иран удалось вывести двусторонние отношения на качественно новый уровень. В настоящее время они носят дружественный, стратегический и взаимовыгодный характер. Беларусь и Иран активно взаимодействуют в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. С учетом имеющихся наработок ожидается дальнейшее расширение и углубление белорусско-иранского сотрудничества.

Ключевые слова: Беларусь; Иран; дипломатические отношения; основные итоги; сотрудничество.

The article is dedicated to the 25th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Republic Belarus and the Islamic Republic of Iran and describes the main results of cooperation between the two countries over the years.

The article claims that despite the geographical distance, effect of sanctions, difference in the mentality of the peoples, during these years the Republic of Belarus and the Islamic Republic of Iran managed to bring bilateral relations onto a qualitatively new level – friendly, strategic and mutually beneficial. Belarus and Iran actively cooperate in the political, economic and humanitarian spheres. Taking into account existing level of cooperation, it is expected that Belarus and Iran will further expand and deepen bilateral relations.

Key words: Belarus; Iran; diplomatic relations; the main results; cooperation.